

ПОЭТ НИКОЛАЙ ЛЕВЧЕНКО НА ЛИТЕРАТУРНОЙ «ОПУШКЕ», ИЛИ НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА, А ЧЕЛОВЕК – МЕСТО¹

Один из наиболее популярных сегодня литературных сайтов в своём названии содержит неслучайную пространственно-топографическую метафору – «литературная карта России». Образ карты сколь художественен, столь и точен для определения главной задачи проекта – восстановления целостности российского литературного пространства. При этом первым шагом в этом деле становится введение в фокус общероссийского внимания максимально возможного количества региональных литературных центров, живущих по всей стране авторов, выходящих в разных точках страны изданий, местных литературных акций и т. п. Не стоит и говорить о целесообразности и важности данного предприятия – они очевидны и неоспоримы.

Для региональной литературы это актуально вдвойне. Литературная карта Приамурья до сих пор, в основном, является контурной и взывает к своим исследователям-картографам, которые занесут на неё новые имена, заштрихуют «белые пятна». Мне бы сегодня хотелось нанести на неё имя талантливого благовещенского поэта и художника Николая Романовича Левченко (р. 1947).

Николай Романович по профессии – врач, преподаватель АГМА (Амурской государственной медицинской академии). Родился в посёлке Уркан Тындинского (Джелтулакского) района Амурской области в семье рабочего. Отец – Роман Иванович – выходец из крестьян, переселенцев из Украины. Мать – Антонина Казимировна – родом из Сибири. Семьи их обоснова-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

лись в селе Троицком Ивановского района, но в 1930-х годах были «раскулачены» и отправлены на северные прииски в посёлок Уркан Тындинского, тогда ещё Джелтулакского района, где впоследствии и родился будущий поэт. Сам он говорит о времени, в котором выпало родиться, и о родителях своих с сочувствием и благодарностью: «Я был поздним ребёнком, моему отцу было 33, когда я появился на свет. Родители мои к тому времени претерпели очень многое и от 20-х, и от 30-х, и от 40-х лихих лет. Наверное, впереди маячили какие-то новые, более счастливые времена, потому что после всего пережитого представить времена менее счастливые было уже невозможно. В течение трёх десятилетий людям моей страны, и моим родителям тоже, можно было мечтать только о том, чтобы выжить. Впервые за долгие годы впереди начала смутно мерцать надежда Жить. В этом мерцании новых времён я и произрастал, счастливо окружённый надеждами и любовью».

«Новыми временами» были 1950-е. В самом их начале семья переехала в город – в Благовещенск. Здесь руками деда и отца был поднят дом, в котором Н. Р. Левченко живёт и сейчас, и чей образ запечатлён в «Поэме старого Дома»: «Старый дом – потрёпанный книжный том, / Готовый вам рассказать о том, / Что жизни каждый прожитый миг / Жив. <...>»².

Интерес к литературе и живописи у Левченко возник ещё в школьные годы и не был случайным. К поэзии привили любовь родители – большие любители чтения. Или, точнее, к поэзии привела родительская любовь – та самая «мудрая и спокойная любовь родительских глаз, полная уверенности и надежды». По прошествии времени в памяти остаётся лишь самое главное, не случайное. Чем настроженнее и внимательнее сердце, тем «чаще», «гуще» сито памяти, тем больше в нём «застревают» «мелких», но значительных деталей. Вот и в автобиографии поэта читаем: «Самым запомнившимся детским подарком была стопочка тонких, дешёвых детских книжек, наверное,

---

² Левченко Н. Городской романс. Стихи. Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. С. 79. Здесь и далее стихотворения и поэмы цитируются по данному изданию с указанием страниц в тексте.

сказок, — неважно. Важным был сам факт присутствия книжек, который умножался всю жизнь. Уважение к книге в семье нашей было несомненно <...> выписывалась “Литературная газета”, в те дальние времена газета чисто писательская, тоненькая и малоинтересная, но зачем-то нужная моему отцу»³. Об отце Николай Романович ведёт особый разговор: «Ребёнок больше любит не того, кто кормит и одевает, а того, кто играет с ним. Со мной играл отец, придумывая и делая невиданные игрушки. Он вообще удивительно многое умел делать руками: реактивные самолёты, летавшие на дымном порохе, кораблики и настоящие шпаги, телескопы»⁴.

С большим теплом и благодарностью пишет Николай Романович и о матери, ласково называя её «матушкой»: «Матушка моя была большая любительница до чтения. Когда её заканчивалась какая-нибудь книга, она заявляла, что осиротела. Читала мне наизусть Некрасова. Ей я обязан и уроками живописи, правда, довольно необычными. Она долгое время была заядлой вышивальщицей, вышивала гладью. <...> Её рукоделия отличались от рукоделий многих её подруг, почти одинаковых по рисунку вышивок, одним свойством, которое бы я сейчас назвал гармонией цвета. Это её врождённое чувство цвета я предметно ощутил»⁵. Именно матери поэт и художник обязан первыми уроками живописи.

Казалось бы, всё предрешено — живопись, литература, но... Жизнь непредсказуема и в решающий момент круто меняет маршрут. Так, захваченный романтической мечтой о героических буднях моряка, проходя медицинскую комиссию для поступления в военно-морское училище, Н. Левченко, неожиданно для себя, принял решение связать жизнь с врачеванием. Будущий поэт с отличием окончил медицинский институт и аспирантуру. Уже после окончания вуза и защиты кандидатской диссер-

---

³ Левченко Н. Без опушки большой лес не живёт // Амурская писательская организация. 1977–2007. Благовещенск: ООО «Издательская компания “РИО”», 2007. С. 68.

⁴ Из беседы поэта с автором статьи.

⁵ Левченко Н. Без опушки большой лес не живёт... С. 69.

тации Н. Левченко вновь обращается к живописи. Она становится главным делом для души, ею заполняются «паузы между домашними делами и работой». Одно время он возглавляет Ассоциацию художников-любителей Амурской области, создаёт на телевидении цикл передач «Палитра», посвящённых беседам об искусстве с «разными здешними художниками», участвует в областных и городских художественных выставках.

А с 1995 года «полились» стихи. Ранее эпизодические поэтические эксперименты «по случаю» и «на случай» обратились в серьёзное увлечение. То, что врач стал поэтом, для русской литературы явление отнюдь не исключительное, если не сказать – странно закономерное. Очевидно, это происходит потому, что жизнь чаще всего «показывает свой край» именно врачам. «Для меня, врача, микробиолога, – размышляет поэт, – сперва погружённого в созерцание и постижение бесконечного совершенства живой материи, последующее наблюдение её распада казалось невыносимым. Над здоровым ребёнком кто станет молиться? Тут радость уместна. Над серьёзно больным начинает молиться и тот, кто до сих пор о том и не помышлял. Как не помышлял о хрупкости любого нашего благополучия, о бесконечной ценности любого дня нашей жизни, которая вдруг увидится и конечной, и в любой день готовой смениться муками болезни. А для молитвы нужны слова»⁶. Сокрушённое созерцание конца и размышления о вечности – вот, наверное, первопричина обращения Левченко-врача к поэзии.

В 1998 году произошла знаковая встреча поэта с будущим редактором – талантливым поэтом и прозаиком Владиславом Лециком. Написанные в разные годы стихи были объединены в сборник «Друзьям и рекам», вышедший под его редакцией в 2000 году. Дружбу с Лециком окончательно скрепила работа над второй книжкой стихов «Тебе и Городу» (2004). В 2006 году к 150-летию юбилею Благовещенска вышла ещё одна книга стихов – «Городской романс». В ней впервые опубликованы две большие поэмы («Поэма старого Дома» и «Поэма Города») и цикл пародий и эпиграмм, посвящённых коллегам по поэтиче-

---

⁶ Из беседы поэта с автором статьи.

скому цеху, что позволяет читателю оценить всю многогранность творчества поэта.

Стихотворения Н. Левченко регулярно появляются на страницах альманахов «Приамурье», «Амур», газет Благовещенска и области. В 2008 году выходит в свет новая книга стихов «Осень в Благовещенске». В неё вошли как лучшие, полюбившиеся читателям стихотворения разных лет из предыдущих сборников, так и новые, ещё неизвестные, написанные в период с 2006 по 2008 год, а также поэма «Осень в Благовещенске», созданная в это же время.

В юбилейном выпуске альманаха «Приамурье» (2008) опубликованы первые прозаические опыты Левченко – рассказы «Шок», «Психотерапия в свободное от основной работы время», «Медосмотр», в основу которых положены сюжеты из врачебной практики писателя. Это своего рода продолжение булгаковской традиции, его «Записок юного врача», но, скорее «записки зрелого врача». Остроумные, ироничные и вместе с тем философичные, они, действительно, больше походят на короткие записки, эссеистические зарисовки с натуры, подобные воздушной авторской графике, что органично дополняет поэтические строки, создавая законченные художественные образы его стихов.

А в прошлом, 2011-м году получило своё художественное завершение увлечение поэта пародиями и эпиграммами – вышла небольшая книжечка с негромким и непритязательным названием «Темы и вариации», в которую вошли авторские пародии, эпиграммы и шаржи. И здесь поэт не перестаёт чувствовать себя «медицинским» работником: книгу открывают авторские строки:

Поэзия – как первозданный лес,
И в нём, для экологии процесса,
Среди пасущихся поэтов, поэтесс
Есть пародисты – санитары леса⁷.

---

⁷ Левченко Н. Р. Темы и вариации. Пародии, шаржи и эпиграммы. Благовещенск: ООО «Издательская компания "РИО"», 2011. С. 3.

Вообще, в Левченко всегда счастливо сочетаются врач, поэт и живописец. Обложки его книг оформлены собственными акварелями, да и сама его поэзия акварельно-прозрачна. В ней нет резко очерченных линий, и вся она выполнена в гамме, далёкой от чёрно-белой. Она по-хорошему беспарфосна и негромка. И... по-хорошему провинциальна:

Провинциальных муз негромкий разговор,
Небыстрое перо, пробег неяркой кисти,
Не Бог какие весть, но собственные мысли –
Народного шитья застенчивый узор (8).

В биографии Левченко отсутствует то единственное, всеопределяющее событие, каким, возможно, для амурских поэтов предыдущих поколений была война, переселение, освоение новых земель, строительство БАМа. Н. Левченко принадлежит к тем писателям, для которых амурская земля была родиной от начала, которые с младенчества дышали её воздухом, слышали её сердцебиение, проникались её ритмами. Поэтому не одно какое-то событие, а сам неспешный ход провинциального бытия, медленный и размеренный, оказал определяющее воздействие на его поэзию, запечатлелся в «обыкновенности».

Левченко относится к «симпатичной породе» импровизаторов. Он обладает умным вкусом и чувством меры. Пишет легко, остроумно, но не претендует на многое. У него есть внутренний сторож – культура. А потому он способен трезво оценить свои сочинения. Культурная вменяемость и адекватность самоощущения себя в мире, в том числе, и в мире литературы, позволяет Левченко быть поэтом без приставки «провинциальный». Как это ни парадоксально, именно потому, что он спокойно признаёт свою принадлежность провинции и не стремится равняться на географический и поэтический центр.

Естественность и гармоничность, мудрое приятие жизни такой, какая она есть – отличительные свойства его стихов. Это оттого, наверное, что пришёл он в поэзию во «второй половине сентября» своей жизни. Поэзия его стала своеобразным спосо-

бом воспоминания и сохранения памяти, способом духовного сопротивления забвению, преодолением конечности земного бытия. Возможно, поэтому его стихи так архитектурны, сдержанно консервативны и классицистичны.

Архитектурность как поэтическое качество уплотняется от сборника к сборнику. С умножением стихов у поэта возникает желание оформить их в лирические циклы – ансамбли. Тяготение к таковому свидетельствует об эпичности мышления, о стремлении изобразить широкую эпическую картину мира со всей присущей ей сложностью внутренних и внешних взаимосвязей, наконец, о возможности и способности осмыслить её глубже, нежели позволяет отдельное стихотворение.

Это стремление обнаруживает себя уже в сборнике «Городской романс». Стихотворения объединяются в циклы: «Город рек», «Городской романс», «Свет небесный». Последний цикл уже в том виде, в каком читатель его узнал в этом сборнике, представляет собой целостный и завершённый ансамбль – явленный в поэтическом слове разговор поэта с Богом и о Боге – с читателем. Это не разговор проповедующего вечные истины дидакта, а доверительная дружеская беседа, в которой всегда есть место и серьёзному, и шуточному. Такие стихотворения, как «Рождество». «О Боге говоря, мы пили пиво...», «Как корни пьют земли весенний сок...» вносят в приличествующую теме минорную тональность лёгкую шутливую интонацию, делая лирическую ноту цикла более чистой и правдивой. Левченко-поэт всегда изящно балансирует на туго натянутом между пафосом и иронией канате. Негромкий звон, исходящий из этого натяжения-напряжения, наверное, и есть его камертон.

Архитектурность поэзии Левченко проявляется не только в стремлении к циклизации. Архитектура как застывшее время зачастую становится поводом для поэтических сюжетов его стихотворений и, в особенности, поэм. Дом, Храм, Город – главные действующие лица его лирических книг (что нашло отражение и в названиях всех сборников). Именно в этих архетипических хронотопах разворачивается драма человеческой жизни с вечным сюжетом: пространство – время – человек:

Мы живём, чтобы стать почвой истории,
Настоящее кажется бутафорией.

Старый храм или замок
Расскажут вам больше, чем новый рынок.
Ясно – в последнем больше картинок,
Но к вечеру они станут сором и хламом,
Чего никогда не бывает с храмом.

«Поэма старого Дома», 2005 (76–77)

Поэзия Н. Левченко – это откровение о самом себе и родном городе, в который он влюблён. Знакомые городские черты, преображённые словом и кистью художника-поэта, обретают иное – вечное – значение и «важный смысл иной».

Поднявшись из крепкой семьи, сложившись в гармоничной целостности и непрерывности семейных, культурных традиций, поэт воплотил этот мир в насыщенных рефлексией поэтических образах. Если попытаться сказать о поэзии Левченко несколькими словами, то, скорее всего, это будут «грусть», «память», «обычай», «рефлексия», «ирония», «многозначность». Его поэзия – это некий «лирический архив», «грустное ретро», поэзия исчезающего («...Уходит мир, привычный глазу, / Вешают в старом доме стены...»). В центре её лирическое «я», живущее где-то на границе между бытием и небытием. Быт, окружающий его, очень родной, милый, но уже как бы неживой, музейный, как будто открытый будущим археологом Ноев ковчег. Чувство, испытываемое лирическим героем, – ностальгическая печаль. Но вместе с тем, стихотворения поэта нельзя назвать пессимистическими, ведь жизнь – «бесшабашная бегунья, / за ней по кругу мчимся мы, / И вновь – осенние раздумья, / И вновь – безумия весны». Надежду на весну, на Воскресенье даёт поэту тихая «тихая вера / В то, что Господь есть над нами». Поэтому итогом размышлений поэта всегда остаётся просветление: «Тихое, тихое счастье / Жить между прошлым и новым, / Соединив их отчасти / Тихой своей любовью». Конечность земного существования преодолевается памятью, любовью, поэзией.

Стиль Н. Левченко намеренно нейтрализован, уравновешен умеренным сочетанием свойств живой разговорной речи и высокой патетичности, сознательным смешением иронии и лиризма. Элегичность, светлая печаль, лёгкая ирония – вечные спутники мудрой зрелости, присущи большинству стихотворений Левченко. Может быть, поэтому одной из главных героинь его лирики является осень. От стихотворения к стихотворению неспешно и вдумчиво рисуются им сменяющие друг друга осенние пейзажи – природные ландшафты и ландшафты человеческой души:

В доме – ранняя осень <...>

Ранняя осень в душе. В течении времени плавном

Музыка будет для нас утешителем или врачом,

Осени песня без слов, о чём-то о самом главном –

Это нам раньше казалось, что песня почти ни о чём (26).

Размышления на эту тему продолжаются и в автобиографической прозе поэта, где он говорит о своих занятиях живописью и поэзией с достоинством и скромностью самодостаточного, состоявшегося художника: «...и поэты невеликие достойны уважения: без опушки большой лес не живёт, К этой опушечной флоре я отношу и себя»⁸. Он искренне считает, что творчество – это нормальное состояние и нормальное поведение живой, неуспокоенной человеческой души. Это единственный способ остановить мгновение, вернуть «долг любви и надежд» «бесследно, словно трава, ушедшим родителям, пра- и прапрародителям». Искусство есть воплощённая память: «В слове каждое мгновение может жить долго. Это почти что сотворение мира. Можно ли после этого не быть счастливым?»⁹